

Тина Арсеньева

Благослови мимоидущего

* * *

Станиславу Падевскому, OFMcap (1932-2017).

Не спрашивай, что это было, и кто это был, –
То был невозвратно упущенный миг откровенья,
А может быть, час или целые годы; и рвенья
Уже не достанет, храни обустроенный тыл.

А чуждая жизнь – это виза в чужую страну,
И стать нелегалом – так это набраться бы духу...
Но помню поверх многолюдья молитву одну,
Меж сотен людских – моему только внятную слуху:

В те миги, плашмя налетев на незыблемый брег,
В зеркало небес распрямилось житейское море,
И шел мимо жизни моей тот босой человек,
И общим был – свет, но необщими – грозы и зори.

Доселе, увы, не достойна в распахнутый свет
Войти, но с тех пор не указ мне весы и лекала.
Гляди же поверх череды запахнувших лет –
И мимоидущего благословляй нелукаво.

* * *

Где я была? Нигде, но где-то на земле,
Неважно, где. Ну, хмыкни и плечами
Пожми. – Но знай, не стать моими палачами
Моим годам, и хлеб не черствый на столе.

А я прониклась вдруг, что выгляжу смешно,
В конечном счете, что живу небрежно, –
Для тех же, кто любим, приберегаю нежно
Нездешний терпкий дар, кастильское вино.

А ты, свой проложив фарватер бытия,
Не трать напрасно лоцманских усилий
На бедный блудный челн, чей вызов бурям сивым
Беспомощен и зол, как выпел: «Я есмь я!».

Куда стремлюсь? Небось куда и все. Жива,
Да нэвпору. А если ты умелец
Жить – все равно: давай – за крылья мельниц...
Как пьет из ран земли сезонная трава.

Между нами

«Вдали погас последний луч заката...» –
Ольге Ильницкой

И хворь от токсина любви скоротечна,
И много их, всяких Тристанов...
Немного пьяна и наотмашь беспечна,
Плыву в полумраке платанов.

Подружка, тут, главное, точной и прочной
Будь, главное, тут не прельщайся:
Пегаса на пажити тучной и сочной
Треножит семейное счастье.

А все, что вокруг, – то чужие каштаны
С жаровен таскать и глядеться
В стремнины на выпрннем краешке танго:
Албанского танго из детства.

Но там лишь, в неблагообразном оскале,
Истомно-беспамятны лица...
Срамницы-поэтки, чего мы искали, –
Вот так, невзначай, умалиться?..

А может, иного, – чтоб сердцем сожженным
Сверхновой засесть трепыханье?..
И пусть нам вослед добродетельны жены
Анчарово шлют придыханье...

Неужто моим и твоим сумасбродством
Тот вздох, приснопамятен глине,
Обратно уходит – сыновним сиротством
В серебряной капсуле ливня?..

Давай подарю из нефрита камео,
А смыслы оставим – бурьяну.
Подружка, не слушай, я жить не умею,
Я нынче легка с полупьяну.

К безболью – достать бы и белые флаги
Под натиском жизни... но краше
Беспрочность. Не капля живительной влаги –
Я блик в переполненной чаше.

* * *

Дерзнув окликнуть – поначалу взвесь
И сбрось, ценою память не мороча:
То кто-то прежде был, но вышел весь
В года, в десятилетия – в жизнь, короче.

Но если сам ты прожил налегке,
Что маловероятно, – то назавтра
До блика в узнаваемом зрачке
Подробный опыт съежится внезапно.

Пронзи необщих воспоминаний строй:
Явь одержима новостийным жором;
Чужая жизнь – потемки, но порой
Приспала тьму, чреватую ожогом.

Завоет сонм – дружище, наяву! –
Повинностей в смирительных халатах.
Дерзнув, рвешь круг – и, очертя главу... –
И пропасть рот разинет на крылатых.

* * *

Какие бывают, однако, спустя многолетье
Печальные сретенья, с выдохом: «Где ж ты была!..» –
Всем гулом изъяна, всей душу неволящей клетью,
Сокамерным сердцем – и в краткость подреза крыла.

Но что я, на милость, могла бы: прицельное жерло
Судьбы мимоданной – потщиться заполнить собой?
Ведь мы не одно и не двое, и даже под жернов –
Не рядом; и напрочь не вдрызг – под армянский гобой,

И не наобум – по извилинам улиц кофейных,
И не напролом, на рогатину быта – к звезде;
Мы нищи взаимно, и нет у нас будней трофейных;
Что день, мы друг другу все далее... дале... везде.

Лопочут пред смуглыми ликами смуглые свечи,
Которые, будучи сотами, были полны;
Я им в унисон – за нее, что взвалила на плечи
Трофей твоего бытия в послушанье жены.

И тем оно тверже, оно справедливее, лучше;
И оба мы знаем, что в гуле сродненных кровей
Я тщетный твой светоч, я звездный негреющий лучик –
Я есмь – я повсюду – я отгул молитвы твоей.

* * *

A time to be reaping,
A time to be sowing...

В эпиграфах цикла использована баллада «The Green Leaves of Summer»,
D. Tiomkin – P.F. Webster

На последней заставе прохладного детского рая
Мириады секунд, утрамбованных в горстке песка,
Попирает ребячья стопа, и земля не сырая,
И нисколько не хочется верить, что осень близка,

И навывшей душе не без умысла нынче не внятен
Тополиной мольбы шепоток, огорчающий высь.
На песчаной околице рая неслитано вмятин
Человечьих следов, и не вдруг разберешь: «Лето бысть»...

То-то – было, но, как говорила мне бабка, на воды
Помочился, коней придержав, громовержец Илья...

Прощевай, раеванье! Пески всем разводьям – разводья
Объявляют, и певчие птицы не имут жилья.

Вот и год, отзвенев, черепковым ложится Трипольем
В недрах памяти: было ли, не было, – ржавы ключи!..
Вот и вся эта жизнь уместилась в размахе тополем,
Вот и вся наша мысль промелькнула зарницей в ночи.

Вот и вся тебе, значит, баллада о зелени лета –
В шатком коловращенье, в уколе алмазной иглы, –
Слушай, девочка, сызнава, слушай: нища твоя лепта
В эту правду, – ты слушай, во тьмы израстая из мглы.

В тьмы и в темы людские – но теменем, долго и тщетно,
В недоступные, в запуски с тополем, выси всходя,
Слышишь, девочка, слушай, – о, небо к послушливым щедро! –
Поминальный канон в бормотанье листвы и дождя.

Канун

В перестуке – зуб на зуб – электричек подземных,
В преисподнем их скрежете – чисто зубовном –
Я гляжу и молчу: вдруг привидится зелень
И, по гриву в ней, зебры в восторге любовном.

Не взыщи, соврала – не всплакнула ни разу
Над изыском жирафьим в законную непогодь.
Нам, и в недрах всезрящему вверенным глазу
Майкрософта, и травку измыслить-то некогда.

Перестук – в пересчете: то ли рельсовых стыков,
То ли нас, ненаглядных, и наших деяний –
Для судов и торгов. Лишь вальжжные тыквы
Где-то нежатся в кротости солнцестояний.

Как созреют, их тоже снесут на базары:
Мы, славяне, заварим вселенскую кашу;
Нами метко плюет преисподняя заверть
Из конвейерных пастей – прям в родину нашу.

Мы, в вертушках юля, как на отмели рыбки,
И теснясь, как на нерест, – рванем врассыпную
В небывальщину: в заводи лета, на рынки,
Где днепровские ведьмы – Христа одесную –

Вяжут метлы душистые «на Маковия»,
Вороха чернобривцев медами застроив,
И до дупы нетленье им Киева-Вия
В мерзлоте, и как звали тех братьев-героев!..

* * *

Веславу П.

Узнай, какую данью преблагой
Оплачен поминальный гром оваций:
Одной стопой на облаке, другой –
В навозной куче, и – не разорваться!

Сия неукоснительна яса,
Как весны, как пасхальное говенье, –
Поэта четвертуют небеса
За свой же страшный дар проникновенья.

Но отвратить и небу не дано
Нас от земного жаждущего лона:
Умрет, с навозом смешано, зерно,
Чтоб дать сам-сто, заколосясь поклонно.

А после ты преломишь пресный хлеб,
И это будет – миг пресуществленья.

Но не гони земную прелесть в склеп,
А главное – не требуй сожаленья

О мысленном немислимом грехе
Той муже-женской мимоходной тяги,
Которая, очищена в стихе,
Придаст немногим избранным отваги

Идти меж стойл, высоко вздев главу
И не марая риз в навозной жиже,
И видеть сонм небесный наяву,
Затем, что нам, влюбленным, небо – ближе.

И пусть вблизи нас судит Бог: кто пал,
А кто прошел легко, аки по суху...
А ты – веди, но ревностный запал
Вверяй, прошу, не мертвой букве – Духу.

Ведь сказано: целована в уста,
Двенадцати в искус, одна, чье миро
Расплескано, затем, чтоб у Христа
Нашла благоволенье наша лира.

